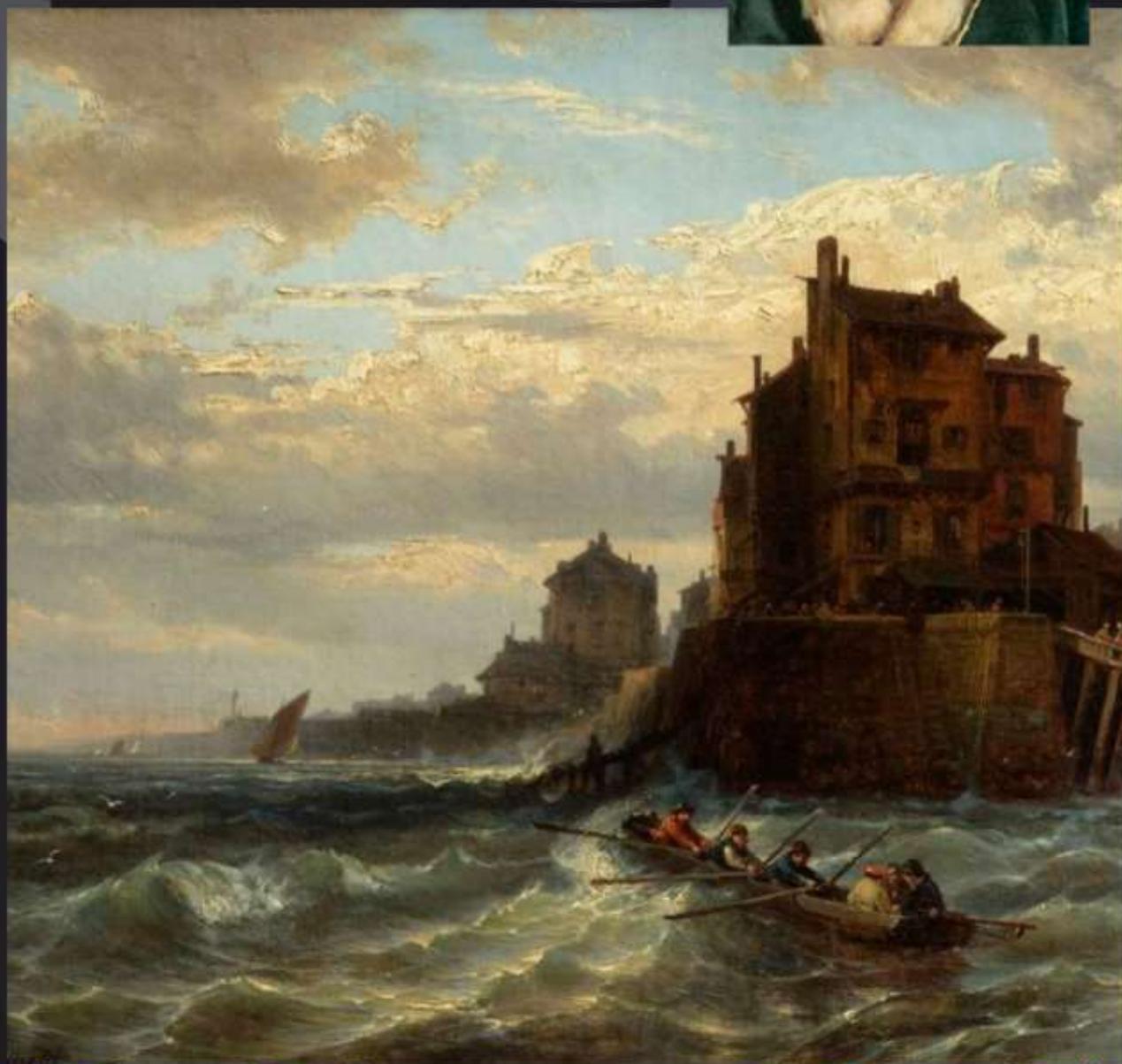

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ГРОЗА

*«Гроза» — увлекательная пьеса в пяти действиях знаменитого русского драматурга Александра Николаевича Островского (1823–1886).****

Катерина живет со своим мужем Тихоном Кабановым, его сестрой Варварой и матерью, купчихой Кабанихой. Кабаниха — скверная женщина, которая издевается над всей семьей и особенно над невесткой. И без того тяжелое положение Катерины усугубляется тем, что ее угораздило влюбиться в другого мужчину...

Александр Островский прославился благодаря своим произведениям «Не сошлись характерами!», «Воспитанница», «Старый друг лучше новых двух», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»), «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», «Грех да беда на кого не живет», «Тяжелые дни».

Творчество Александра Николаевича Островского сыграло важнейшую роль в развитии русского национального театра. Его пьесы не сходят с театральных сцен и по сегодняшний день.

Александр Николаевич Островский

ГРОЗА

Лица

Савел Прокофьевич Дик'ой , купец, значительное лицо в городе.

Борис Григорьевич , племянник его, молодой человек, порядочно образованный.

Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха) , богатая купчиха, вдова.

Тихон Иваныч Кабанов , ее сын.

Катерина , жена его.

Варвара , сестра Тихона.

Кулиги , мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.

Ваня Кудряш , молодой человек, конторщик Дикого.

Шапкин , мещанин.

Феклуша , странница.

Глаша , девка в доме Кабановой.

Барыня с двумя лакеями , старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.

Городские жители обоюго пола.

Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски. (*Прим. А.Н.Островского.*)

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3 и 4 действиями проходит 10 дней.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общественный сад на высоком берегу Волги, за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

Явление первое

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин (*поет*) . «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» (*Перестает петь.*) Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш . А что?

Кулигин . Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш . Нешто!

Кулигин . Восторг! А ты «нешто!» Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш . Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик.

Кулигин . Механик, самоучка-механик.

Кудряш . Все одно.

Молчание.

Кулигин (*показывает в сторону*) . Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш . Это? Это Дикой племянника ругает.

Кулигин . Нашел место!

Кудряш . Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорыч, вот он на нем и ездит.

Шапкин . Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

Кудряш . Пронзительный мужик!

Шапкин . Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш . Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин . Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш . Мало у нас парней-то на мою статью, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин . А что бы вы сделали?

Кудряш . Постращали бы хорошенько.

Шапкин . Как это?

Кудряш . Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин . Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш . Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин . Ой ли?

Кудряш . Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пушай же он меня боится.

Шапкин . Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш . Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он слово, а я десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин . С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш . Ну вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи. Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин . А то что бы?

Кудряш . Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Дикой и Борис, Кулигин снимает шапку.

Шапкин (*Кудряшу*) . Отойдем к сторонке: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

Явление второе

Те же. Дикой и Борис.

Дикой . Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал? Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис . Праздник; что дома-то делать.

Дикой . Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все нейдет! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тыфу ты, проклятый! Что ты, как столб, стоишь-то? Тебе говорят аль нет?

Борис . Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Дикой (*посмотрев на Бориса*) . Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. (*Уходя.*) Вот навязался! (*Плюет и уходит.*)

Явление третье

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

Кулигин . Что у вас, сударь, за дела с ним? Не пойдем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис . Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин . Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить? Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис . Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин . Ну, как не знать!

Кудряш . Как не знать!

Борис . Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

Кулигин . Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Борис . Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Кулагин . С каким же, сударь?

Борис . Если мы будем к нему почтительны.

Кулагин . Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Борис . Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, надругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

Кудряш . Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Борис . Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

Кулигин . Значит, сударь, плохо ваше дело.

Борис . Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно.

Кудряш . Уж само собой. Нешто они обращение понимают!

Кулигин . Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Борис . Да ни на каком. «Живи, — говорит, — у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

Кудряш . У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, — говорит, — почему знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать? А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

Кулигин . Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Борис . В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне?

Кудряш . Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступить, только бы унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Борис . Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

Кудряш . Да нешто уберешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Шапкин . Одно слово: воин!

Кудряш . Еще какой воин-то!

Борис . А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого не обругать не смеет; тут уж домашние держись!

Кудряш . Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Борис . А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

Кулигин . Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

Кудряш . Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Борис . Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то. Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

Кулигин . И не привыкнете никогда, сударь.

Борис . Отчего же?

Кулигин . Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, — говорит, — Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебивает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, у меня из этого тысячи составляются, так оно; мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое потеряно. А те им за малую благодать на гербовых листах злостные клеветы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся, судятся здесь да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; водят их, водят, волочат их, волочат, а они еще и рады

этому волочению, того только им и надобно. «Я, — говорит, — потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить...

Борис . А вы умеете стихами?

Кулигин . По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис . Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин . Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша . Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаениями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлышко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис . Кабановых?

Кулигин . Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Борис . Что ж бы вы сделали?

Кулигин . Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис . А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

Кулигин . Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! (*Уходит.*)

Явление четвертое

Борис (*один*) . Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе — и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой труппе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! Мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого? В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся! (*Молчание.*) К все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну, и свекровь с ними! Ну, не дурак ли я? Погляди из-за угла да и ступай домой. (*Уходит.*)

С противоположной стороны входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Явление пятое

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова . Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

Кабанов . Да как же я могу, маменька, вас послушаться!

Кабанова . Не очень-то нынче старших уважают.

Варвара (*про себя*) . Не уважишь тебя, как же!

Кабанов . Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

Кабанова . Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

Кабанов . Я, маменька...

Кабанова . Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

Кабанов . Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

Кабанова . Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

Кабанов (*вздыхая, в сторону*) . Ах ты, господи. (*Матери.*) Да смеем ли мы, маменька, подумать!

Кабанова . Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

Кабанов . Нешто, маменька, кто говорит про вас?

Кабанова . Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слыхала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. *(Вздыхает.)* Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согресишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

Кабанов . Да отсохни язык...

Кабанова . Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

Кабанов . В чем же вы, маменька, это видите?

Кабанова . Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

Кабанов . Да нет, маменька! Что вы, помилуйте!

Катерина . Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

Кабанова . Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара *(про себя)* . Нашла место наставления читать.

Катерина . Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова . Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

Катерина . Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

Кабанова . Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

Катерина . Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

Кабанова . Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомняете.

Кабанов . Да мы об вас, маменька, денно и ночью бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

Кабанова . Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

Кабанов . Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

Кабанова . Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

Кабанов . Да для чего ж мне менять-с? Я обеих люблю.

Кабанова . Ну да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

Кабанов . Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

Кабанова . Что ты сиротой-то прикидываешься? Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

Кабанов . Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

Кабанова . Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабанов . Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

Кабанова . Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

Кабанов . Да я, маменька...

Кабанова *(горячо)* . Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

Кабанов . Да, ей-богу, маменька...

Кабанова *(совершенно хладнокровно)* . Дурак! *(Вздыхает.)* Что с дураком и говорить! Только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

Кабанов . И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

Кабанова . Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабанов . Нет, маменька, сохрани меня господи!

Кабанова . То-то же! *(Уходит.)*